

К 1436739

Авторская
59

МЕСТНЫЙ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

РУБЦОВСКИЙ ЦЕНТР Г. ВОЛОГДЫ

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

59

**Вологда
2011**

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗБРАННОЕ

Юрий Максимов	4
К.С.	5
Наталья Раменская	6
Наталья Усанова	8
Елена Максимова	9
Александр Кругликов	10
Вероника Якунина	11
Валентина Глушанкова	11

В МИРЕ РУБЦОВА

Галина Мартюкова. «Мы с тобою как разные птицы»	13
Надежда Деревягина	17
История портрета	17
Юрий Малоземов	
Современники	19
Венера	19
Толина могила	20
Галина Панина	
Светлой памяти Н.М.Рубцова	20
Пошехонский погост	20

КНИЖНАЯ ПОЛКА	21
Новая книга о Рубцове	21

КОРОТКАЯ ПРОЗА

Ираида Метляева	
Волшебные напитки осени	22
Зеленый заяц	23
Ева Никитич	
Сирень и кипарис	24
Сказка про чайник	25

КРИТИКА	27
Николай Бушенев. О творчестве Игоря Эпанаева	27
Елена Рожнова. Традиции Шукшина в прозе Михаила Жаравина	32
Юрий Малозмов. Премия за русофобию	34

АВТОГРАФ

Вспомни, Вспомни обо мне!	
Стихи Н.Т.Бушенина. Мелодия В.М.Бакуменко	35

ГРАФИКА

Юрий Леднев, Михаил Копьев	36
----------------------------------	----

На 1-й странице обложки экслибрис работы художника Г. Кулешева.

На 4-й стр. обложки экслибрис работы художника М. Верхованцева.

* * *

Недавно в одной из местных газет был опубликован опрос жителей Вологды по поводу возможного переименования улицы Воровского в улицу Джанны Тутунджан. Результат поразительный — ни одного «за». Аргументы? Вологжане не знают Тутунджан (как, кстати, не знают и Воровского), но привыкли к старому названию и менять ничего не хотят. Что же, народ прав?? Нет, не прав. Да и не народ это.

Бездарная, бестолковая политика вкупе с поощряемой русофобией уже дали результаты. Так, если раньше убогому населенцу для счастья достаточно было бутылки водки и гармошки, то сейчас его вполне устраивает банка пива и интернет. Стоит ли учитывать такое «мнение народа»?

Джанна Таджатовна Тутунджан, народный художник России, академик. Великолепный мастер живописи и графики. Вологда может гордиться ею так же, как гордится космонавтом Павлом Беляевым, композитором Валерием Гаврилиным, поэтом Николаем Рубцовым. Те, кто лично знал Джанну Таджатовну, называли её совестью Вологды.

Депутаты — народные избранники «умыли руки» сославшись на отсутствие в городской казне денег на переименование. Очередной блеф! Уже не один десяток лет мы слышим о многомиллионных расходах, требуемых на переименования. Но пусть мне назовут хоть одну статью этих расходов, кроме изготовления двух-трёх десятков уличных табличек. Замена адресов в документах, паспортах и прочее? Это обыденная работа паспортного стола и других соответствующих организаций. Дворнику не доплачивают за внеплановый снегопад, а сантехнику за внеплановый прорыв системы. Ещё путаницей пугают. Да, не бывает у нас никакой путаницы. Помнят вологжане и старые и новые названия. Не скоро бы забыли и Воровского, марксиста с соответствующей фамилией.

Очень хочется думать, что вопрос о переименовании ещё не решен окончательно.

Редактор

Юрий МАКСИМОВ

* * *

*На смерть полковника
Юрия Буданова.*

Это пули в Россию,
Это пули в меня,
Патриота скосили
Среди белого дня.

Погубили героя,
Оболгав его честь,
Не прощают такое,
Кто ответит за месть?

Лицемерьем мы сыты,
Прав лишь Божеский суд,
Никакие бандиты
Вражью власть не спасут!

СПб. 12.06.2011 г.

* * *

Я трудным отпрыском взрослел
На непредвзятый взгляд,
О чём позднее сожалел,
Да нет пути назад.

Ошибок тут не перечесать,
Вину признать готов,
Как говорил покойный тесть :
«Ты наломал дров...»

По жизни шёл я напролом,
Бесхитростен и прям,
Не гоже сравнивать с ослом,
Но тоже был упрям.

Не ошибался старый тесть,
Мой распознав изъян,
Любил куда не надо лезть,
Притом бывая пьян.

Мне бы тогда себя унять,
Не с горочки катить,
Хотя чего о том пенять,
Тех лет не возвратить.

Нет, не покаяться спешу,
Отмаялся спешить,

Вот строчки эти допишу
И вроде легче жить...

СПб. 2011 г.

* * *

Молодой, талантливый, красивый,
Кажется ничем не обделён,
Зная это, держится спесиво,
Не скрывая, что самовлюблён.

Не спеши заносчиво гордиться,
Жизнь не дарит лёгкого пути,
Благодать не может долго длиться,
Жизнь прожить, не поле перейти...

СПб. Октябрь 2009 г.

* * *

Заросшие бурьянами поля,
Куда ни глянь — безлюдная равнина,
Осиротела русская земля,
Признаться, безотрадная картина.

Печальным эхом вторит вздох небес,
Опять пророча трудную дорогу,
Видать страну заправляет бес,
Которому мы молимся как Богу ...

СПб. 17.04.2011 г.

* * *

Страна пронизана коррупцией,
Напоминая мертвеца,
У власти нет теперь лица,
Предписано читать инструкции.

Как надо жить и развиваться,
Детишек сколько наплодить,
Когда удобнее сношаться,
Ну и, конечно, сколько пить.

Расписано весьма умело,
Без бучи времечко летит,
Короче, грабить можно смело,
Народ забитый всё простит.

Одно вы только позабыли:
Отцовы беды юных злят,
Волчат из них не истребили,
Они сполна вам отомстят...

СПб. 16.01.2011 г.

Меня приятно поразили стихи автора, пожелавшего скрыть своё полное имя под инициалами К.С. В них явственно ощущимо следование лучшим образцам классической русской поэзии (на память приходят, в первую очередь, Фёдор Тютчев, Всеволод Рождественский, Дмитрий Кедрин, поздний Николай Заболоцкий). Высокий уровень поэтической и языковой культуры у К.С. гармонично сочетается с ясностью и развёрнутостью неизбитой мысли, со свежестью и объёмностью художественных образов, с живостью и естественностью интонации. Лучшие стихи К.С. — это удачный сплав мысли и чувства, глубокой философичности и тонкого лиризма, это приятнейший образец поэтической зоркости — координации «внешнего зрения», запечатлевающего во всей неповторимости и многокрасочности предметы материального мира, и «зрения внутреннего», постигающего суть вещей.

Николай Бушенев

К.С.

* * *

В слепой вражде врага не порazi,
Не обнеси на званом пире чашей
И негодяю месть не грози,
Не бейся об заклад, чьи жёны краше.

Не отрекайся от липучей лжи,
В темнице не держи дурную славу,
На исповеди правду Расскажи,
Лишь тем владей, что перешло по праву.

Встречай закат и провожай рассвет,
Любовью меряй этот путь тернистый,
Не покоряйся мягкости карет,
Не торопись, когда зовут горнисты.

Храни смиренность, посох и суму,
Не славь Отца на каждом перекрёстке,
И не завидуй злату иль уму,
И не гордись красивым словом
хлестким.

Учебник жизни быстро не листай,
Не замечай предательство и злобу,
Не поклоняйся ни толпе, ни гробу
И «зёрен в мере хлеба не считай...»

* * *

Июль не гордился ни жёлтым, ни синим,
А август, подвластный нелепым

причудам,
Повсюду хвалился листья изумрудом
И раннюю ржавчину тёр керосином.

Он тщательно прятал осенние краски.
Он жил-поживал широко и богато.
Но, тронутый молью багровых закатов,
Он горестно думал о близкой развязке.

О том, что кровавая зреет калина,
Что клён-бунтовщик раскалил свои
листья,
Рябина расправила красные кисти
И слышится стон журавлиного клина,

Что где-то уж ждёт с поцелуем Иуда,
Что Мастер собрал для сожженья
страницы,
Что быстро забудутся лики и лица
И нечего всеу трясти изумрудом...

* * *

Вставал рассвет. Потягивался город.
Отбросив снов ночную канитель,
Он не спеша, уверенно и споро
Раскручивал событий карусель.

Всё медленно, лениво оживало.
Порхали первых встречных голоса...
Нам нежности грядущей одеяло
Сулило безмятежных полчася.

И мы ещё потянемся в постели,
Пока ещё не зная новостей,
Пока ещё колючие метели
Не принесли непростых гостей.

День не швырнул ещё снега на крыши,
И мы с тобой пока ещё вдвоём,
И мы с тобой пока друг друга слышим,
И нежмся в тепле, и не встаём...

* * *

Двери заперты. Окна закрыты.
Ряской стиснуты глади морей.
Как и прежде, корыта разбиты,
На полях — лебеда да пырей.

Лица хмуры. Насуплены брови.
Злые игры ведут желваки.
Ощущение близости крови
Заставляет сжимать кулаки.

Впрочем...
А мне и бояться-то нечего, зная
Я — если что — не успею
 почувствовать боль.
Дрогнули крылышки...
Видишь — пыльца золотая
Тихо осыпалась...
 И, оставаясь с тобой

2-3.06.10

* * *

солнце на небе, как будто
на дне пруда,
серая тина туч застилает свет...
сказано, как отрезано : никогда,
бескомпромиссно: нет —
это значит — нет.

больно уже не станет, и только мрак
тихо, по капле, в душе разливает яд...
легче кивнуть, конечно: да будет так...
и удалиться гордо в свой личный ад.

ждать не придётся попутного
 ветра — он
в спину толкает, и вот уже
 нечем крыть...
...но ослепительной вспышкой
 разорван сон...
и где-то рядом, на выдохе —
 будет жить.

3/4.03.11

МЕЛЬНИЦА

Всё давно оплакано, да не всё
оплачено.
Мелет моя мельница — не муку, песок.

И сказать хотелось бы как-то
 поиначе, но
 Так уж получается — всё наискосок.
 Было перво-наперво, сжало
 туго-натуго,
 Стало мёртво-намертво —
 еле держит нить.
 А прольётся патокой, изогнётся
 радугой —
 С бешеной безбашенной каши
 не сварить!

Упадёт, поранится — что тогда
останется?
Как по-за-околицей колетса репей!..
Следом вьётся-тянется тенью —
бесприданницей
Прошлoе да пошлoе, убежать успей..
Ни во что не верится, не мычит,
не телится,
Вот и канителится — целится в висок.
Сушца безделица — мелет
моя мельница,
И по ветру стелется молотый песок.

1/2.03.11

И ПРОДАН ДОМ...

С той деревушкой, что за поворотом,
Где каждый дом с рождения знаком,
Меня, как прежде, связывает что-то
Невидимым надёжным узелком.

И я приеду...
Справа от колодья
Останется в траве примятый след...
В окошке занавеска шелохнётся,
Приветливо взмахнёт рукою дед...
И так привычно скрипнет половица,
Напомнив про свои полсотни лет,
И улыбнутся мне родные лица,
Которых ближе и дороже нет.

И бабушкины будут охи-ахи:
Как много новостей в большой семье!..
И в клетчатой фланелевой рубаше
Присядет дед у печки на скамье,
И будет с мёдом чай из самовара,
И разговоры про житьё — бытё...
Подумать только — в этом доме старом,
Всё детство босогого моё.

Которое уже давно, казалось,
Исчезло навсегда... Да только вот
Я повзрослела, а оно осталось,
И где-то здесь тихонечко живёт —

В календаре, бог весть какого года,
И в старых фото братьев и сестёр,
В малиннике по краю огорода...
Здесь, кажется, остались до сих пор

Такими же — прохлада коридора,
Мочало целой связкой на гвозде,
И зеркало старинное, в котором
Черты лица давно не разглядеть

И в бабушкиной кухне ухват,
Топлёное, из печки, молоко
С румяной пенкой... помню, мы когда-то
Его любили очень с сахарком...

Я лягу спать на праздничной* кровати,
Где на ковре — охотничий сюжет...

И вдруг заныло сердце:
— Хватит, хватит!
Теперь тебе туда дороги нет,
И продан дом...

Ни бабушки, ни деда
Уже не встретишь больше на земле...
А я туда опять зачем-то еду,
До боли стиснув пальцы на руле...

16-17.03.11

Наталья УСАНОВА

АДАМ

Эти дикие чащи не ждали гостей,
Но учуяли пристальный слухом:
Человек. А при нём —
сто возможных путей
Да хрустящего хлеба краюха.

Опустился бродяга на сваленный ствол,
Узелок у колена пристроил,
Попытался припомнить, откуда пришёл
И подумал про что-то такое.

* праздничной в бабушкином доме называлась кровать для гостей.

Не сумела тайга этой мысли понять,
Не бывает такого в природе
Человек огляделся, и молвил опять
Потаённое слово: «Свободен».

Открывались цветы. Занималась заря
Он сидел между твердью и небом
И давал имена яснооком зверям,
Подходящим за корочкой хлеба.

ВЕСНА

Истасканный снежный покров
Апрелем на тряпки распорот,
Сосульки с верхушек домов
Стараются капнуть за ворот,

И в раме оконной стекло,
Заплывшее кухонным жиром
По серой стене потекло,
Впуская весь город в квартиру.

ДАЛЬ

Разбежаться бы, и в разгоне
На секунду до звёзд взмыть!
Здесь должны были жить кони.
Почему здесь живём мы?

Что нам с далью такой делать:
Топай — век, а пройдёшь — пядь?
Лишь пускать наугад стрелы,
Да ковёр-самолёт ткать....

ДЕСЯТЬ ХЛЕБОВ

Белое тесто — как белое тело.
Сжалось, угрелось и стало послушным.
Я прикасаюсь к нему неумело.
Мне бы хотелось вдохнуть в него душу.

Тесто скатаю на десять клубочков,
Спрячу за спину горячей заслонки.
Каждый клубочек мне будет как точка
Или — как солнце с рисунка ребёнка.

Как испекутся — пушу их из печки.
Пусть себе ищут дороженьку сами.
Пусть от лисиц и ночных человечков
Катаются-катаются вдаль колобками.

ЖИВАЯ ЗЕМЛЯ

Есть мёртвая земля, а есть — живая,
Трепещущий над космосом покров.
Притоппи по нему — он завздыхает,
Надрежь его — пойдёт толчками кровь.

Не буду топтать, резать — буду гладить.
Я землю назову своей, родной.
И на холме среди овсяных прядей
Родится колокольчик золотой.

Качая им, как маленьким кадиллом,
Вкруг брошенных кварталов похожу.
Динь-динь, — он скажет нежно, —
Дили-дили.

А я... А я ни слова не скажу.

КЛУБНИКА

Светила вонзаются в твердь, как бивни,
И плещутся струи дико.
В июле силу всех солнц и ливней
Впитает в себя клубника.

Срывая клубнику в зелёном храме,
Одна из изящных женщин
Сквозь ягодный бархат найдёт губами
Сияющий влажный жемчуг.

Елена МАКСИМОВА

ИЗ СТИХОВ КОСЫНКУ БЕЛУЮ СПЛЕЛА

Всё во мне уснуло, всё зазеленело.
После страшной бури стала я другой.
Я в долгу сегодня у бумаги белой,
Что, как прежде, лихо не пишу взапой.

Сколько в этой жизни мне ещё
осталось?

Много или мало? Я со всем смирюсь.
У судьбы-злодейки попрошу лишь

малость:
Мне оставить песню. Ею помолюсь.

Помолюсь родному полю, что без края,
И Ему, что песни научил любить.

Мне не надо славы, мне не надо рая.
За Земле за счастье я считаю — жить!

А еще за счастье умереть считаю
На Земле, где пела, корни обрела,
Где, отдав все чувства песенному маю,
Из стихов косынку белую сплела.

Всё во мне уснуло, всё зазеленело.
Только мне не страшно, ведь
в моей судьбе

Было много счастья.

И в косынке белой
На свиданье, милый, я приду к тебе.

6 декабря 2010 г.,

* * *

Когда мелькнёт неясной тенью
Нежданный гость в моём окне,
Предвижу сердцем: без сомненья,
Спешит поэзия ко мне.

И жарким трепетом дыханья
Развеет боль, немую грусть.
Она прервёт моё молчанье
И снимет траур с бледных уст.

Уйдёт неслышно в час рассветный,
Оставив рифм звенящий рой.
И гнёт печали безответной
С души мне снимет как рукой.

Подруги верной утешенье
Как добрый свет во мгле ночной...
В час скорби, в страшный час

крушенья
Была поэзия со мной.

Ноябрь 2010 г.

МЯКСА

Милей Москвы (да что Москвы —
Парижа!)
Село с названием Мякса — на горе.
Леса, луга сельчанам как-то ближе
Любых богатств несметных на земле.

Куда ни глянь — кругом холмы
как горы.

В полях раздолье — глазом не объять.
Как не любить зелёные просторы
И Рыбинского моря синь и гладь.

Здесь всё до боли мило и знакомо:
Родная школа, липы во дворе...
И где б ты ни был вдалеке от дома,
Но возвратишься к Мяксе на горе.

СКАЗАТЬ ВАМ НЕЖНОЕ: ЛЮБЛЮ! Посвящается Н.Н.

За краткий миг случайной встречи
Судьбу сто раз благодарю,
Мне выпал жребий в этот вечер
Сказать Вам нежное: люблю.

Быть может, я была не вправе
Воспоминанья ворошить,
Где ничего уж не исправить
И песнь души не оживить.

Средь дней безжалостно минувших,
Я забывала Вас подчас,
И струн, казалось бы уснувших,
Уж не тревожить встречей глаз.

Но Вы так мило посмотрели,
И был так взгляд неотразим...,
Смогу ль теперь под бал метели,
Забывать о Вас средь белых зим?

Глаза в глаза... и всё исчезло,
Звучала музыка любви.
Глаза в глаза... и неизбежно,
Вдруг, струны дрогнули мои.

Был разговор едва лишь начал,
А уж в груди пылал огонь,
Едва ль слова что будут значить,
Коль душу пламенную тронь?

Чтоб миг блаженный не нарушить,
Сомкну в молчании уста.
Любовью раненую душу
Отдам на белый суд листа.

31 декабря 2009 г.

Александр КРУГЛИКОВ

* * *

Говорят, весна — красавица,
А зима — седая.
Но
Мне зима всё больше нравится.
Утром выглянешь в окно:
Чистым снегом запырошены
И деревья, и кусты...

Знаю я: она — хорошая!
Ну а мне милее ты.
Вот идёшь, румянощёкая,
Льдинки губ согреть спеша...
Говоришь, немного окая:
Как погода хороша!

СИНИЙ ВЕЧЕР

Зимний вечер морозен и тих.
Солнце быстро за лес опускается.

По лыжне нам идти и идти.
Что же ты приумолкла, красавица?

Будто небо лежит на снегу —
Поле дальнее синее-синее...
Синий бархат на том берегу,
И деревья вокруг в синем инее.

Синий вечер на сказку похож.
За рекою деревня далёкая.
Ты по синему снегу идёшь.
Ты устала, моя синеокая.

* * *

Я промок, я продрог. Ну, хоть чаю налей.
Не простуды боюсь я, родная.
Веет снова печалью с холодных полей
Побледневшего отчего края.

Веет новой зимой от остывшей земли,
И деревья ветрами раздеты.
Потянулись уныло на юг журавли,
Догоняя ушедшее лето.

Нелегко покидать им родимую Русь.
И не всем суждено возвратиться.
Я до сердца продрог. Я сегодня боюсь,
Что меня ты покинешь,
Как птицы...

* * *

Ясный тихий день и вот гроза
(А ведь были дальние раскаты...)
Влагой наполняются глаза.
Погоди, мы оба виноваты...

Взгляд твой, словно молнии зигзаг.
Снова гром последует за нею...
От любви до ненависти — шаг.
А обратный путь — куда длиннее.

* * *

Не безгрешен бывал я в былые деньки,
И за это едва ли Господь приголубит.
Отрываются прожитых лет лепестки,
И мне слышится: «Губит, не губит...
не губит..»

Уберу в парикмахерской иней с висков
И забуду — на время — про близкую
старость.

И не буду гадать, сколько
лет-лепестков
На ромашке судьбы до заката осталось.

Сколько б ни было — все
без остатка мои.
...Если можешь, родная, прости
за промашки
И водой перед смертью меня напои,
А потом принеси на могилу
ромашки...

* * *

И у любви есть времена:
Своя зима седая...
Ну а сначала все ж весна
От марта и до мая.

А в мае ей всю цвести,
И расставаться с цветом.
Но лето, лето впереди
С его теплом и светом!

Потом же осени черед:
Холодный дождь и слякоть...
Но если вдруг печаль придет —
Вдвоем светлее плакать.

А после осени зима.
Но и мороз слабеет,
Когда двоих любовь сама
Прощальным светом греет...

При всей своей непритязательности и художественной простоте стихи Вероники Якуниной привлекают внимание неподдельностью чувства и выстраданностью мысли человеком, прошедшим сквозь горнило житейских испытаний. А это, скорее всего, главное, для чего и существует Поэзия.

Николай Бушенев

Вероника ЯКУНИНА

* * *

Не обо мне Ваши мечты,
Не обо мне воспоминанья.
Но всё ж Вы тянетесь ко мне,
Ища тепла и пониманья.
И всё ж Вы тянетесь ко мне!
И я дарю Вам участие.
Друг другу лишь полезны мы.
Взаимность это?.. Но — не счастье...

* * *

Растерянность. Недоуменье. Жалость.
Но только ты уж не в моей судьбе.
Былой кумир, что от тебя осталось?!..
Красиво бывает даже старость.
Как жаль, что это не дано тебе.

* * *

Обещали девочке игрушку,
А потом забыли подарить.
И обиды неизбытой нить
Тянется от девочки к старушке.
Боль жива в душе десятки лет,
Хоть причина боли позабыта,
И притягивает, как магнитом,
Много неудач, обид и бед.
Если б детство вспомнила она
И купила то, что обещали,
Вновь глаза бы счастьем засияли,
Жизнь была б надеждами полна.

Глушанкова Валентина Викторовна — ко-
ренная череповчанка. Родилась 21 октя-
бря 1954 года. Стихи пишет со школьных
лет. Публикуется в периодических издани-
ях, в основном, в череповецких изданиях.
Является членом литературного клуба «Го-
спожа Провинция».

Валентина ГЛУШАНКОВА

ЗАПОВЕДИ

(по прочтении Евангелия)

Просто чудом помню с детства —
Вместе с нами Бог везде.
Но надежду и опору.
Эту веру из людей
С корнем рвали а ведь Церковь
Нас учила, как вам жить.
И слова, что шли от Бога.
Как могли мы позабыть:
Не предай святую Веру.
Никому не навреди,
Не жалея тепла для ближних.
Не убей.
Не укради.
Не суди судом суровым
(Сам же будешь им судим).
Не завидуй.

Не злорадствуй,
Исподлюбя не гляди.
Помогай больным и слабым.
Не жалей своей души.
Пересиль свою обиду —
На расправу не спеши,
Долг свой знай перед родными.
Помни, Бог мудрее нас —
Нами предан был распятию.
Но воскрес — и грешных спас.
Если боль терзает душу.
Ты не верь, что Бога нет;
Всё стерпи: страдания, муки,
Не бросай, неси свой крест;
То цени, что Богом дано,
И добра не забывай;
Знай, что слово может ранить;
Ешь и пей, но меру знай;
Не криви своей душою;
На людей не клевещи;
Относись ко всем с любовью.
Но корысти не ищи;
Не поддайся искушению;
Чистым будь перед Христом.
Чтоб не мучили сомненья —
Осеняй себя крестом.

ОСЕНЬ ЗОЛОТАЯ

Закружилась в вальсе
Осень золотая,
Звездопадом с клнов
Землю осыпая.
Облака томятся,
В тучу собираясь.
Кружат, кружат листья,
В лужах отражаясь.
Не жалей влаги,
Сыплет мелкий дождик.
Разодел деревья
Сказочный художник.
Их сентябрь раскрасил,
Не жалей краски,
И стоят деревья
Все в нарядах царских.

В ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Иней выпал на траву,
Льдом покрылись лужицы,
Всё готово к Покрову,
Снег вот-вот закружится.

Месяц бродит между звезд,
Вечера студины.
На берзах ветер гнт
Ветки оголенные.
Засыпает мать-земля,
Ждет покрова снежного,
Пухом павшего в поля,
Чистого, безбрежного.
Утром в храмах неспроста
Не смолкает звонница,
Светлым именем Христа
Славься, Богородица!

...И ПАДАЛ СНЕГ НА БОЖИЙ ХРАМ

*Посвящается
Елене Николаевне Рубцовой
дочери Поэта*

Ещё в ночи звезда Христова
Не указала путь волхвам —
Был — День рождения Рубцова
И падал снег на Божий храм.

Пушистый, белый тихо падал,
От стужи землю укрывал.
А под покровом снегопада
Младенца ангел целовал.

Малыш смеялся безмятежно.
Его вела Судьбы рука,
Но знал ли он святой и грешный,
Что Русь прославит на века?

Как свой цветок за гробом мамы
Любовь к России нес Поэт.
И за поруганные храмы
Душа болела с детских лет.

Листвой опавшей боль слетала,
В полях ложилась серебром,
За ним по волокам плутала,
Манила клюквенным ковром...

Но ввысь рвалась душа Поэта,
Земной — небесного искал.
Свои стихи в часы рассвета,
Как птиц на волю выпускал.

В минуты грусти — свет надежды
Горел, хранил его в пути,
Не угасал, чтобы сквозь годы
Нам огонек его светил!

Ноябрь 2010 года

Галина МАРТЮКОВА

«МЫ С ТОБОЮ КАК РАЗНЫЕ ПТИЦЫ»

В 1999 году наш близкий друг и бескорыстный помощник Алексей Васильевич Антупьев, привёз в музей кассету с записью голоса Николая Рубцова. С замиранием сердца слушали мы уникальную запись. Тогда впервые мы услышали знаменитую песню «В горнице» в исполнении автора. И всё же самое большое впечатление осталось от исполнения «Прощальной песни». Пел её Рубцов с каким-то особым душевным теплом и щемящей грустью. Стихотворение «Прощальная песня» посвящено Генриетте Меньшиковой, гражданской жене поэта. В этом году исполнилось 8 лет, как Генриетты Михайловны нет с нами.

*«Мы с тобою как разные птицы,
что нам ждать на одном берегу
может быть, я смогу возвратиться
может быть никогда не смогу».*

— написал Николай Рубцов в «Прощальной песне». Но, тем не менее, возвращался и возвращался в родное село, к Генриетте, к дочери. В те годы впервые за долгое время сиротства у Рубцова, был дом, в котором ждали его близкие люди. Ждала Гета и маленькая дочь Лена. И не смотря на все невзгоды: на безденежье, на неурядицы в институте, на недовольные взгляды Никольского начальства годы жизни в Никольском были самыми счастливыми в его жизни. Именно тогда ему работалось, как никогда ранее легко и вдохновенно. Стихи, написанные в

Никольском, вошли в сокровищницу русской литературы.

Всю жизнь Генриетта Михайловна прожила в селе Никольском. Нам, сотрудникам музея Николая Рубцова, довелось часто с ней общаться. Долгие годы она была одним из наших главных консультантов. Когда нужно было что-то уточнить в биографии Рубцова или необходимо было узнать, какую-то деталь из жизни детского дома, мы набирали номер её телефона. Всегда получали исчерпывающий ответ. Память у неё была хорошая. За годы общения мы не разу не услышали от неё плохого слова о Рубцове. Часто посетители музея, просили организовать встречу с Генриеттой Михайловной. Отказывалась она редко, если только была больна или очень занята. В музее хранится несколько записей бесед с Генриеттой Михайловной. Одну из них предлагаем читателям альманаха:

— **Генриетта Михайловна расскажите немного о своей семье, о детстве.**

— Мать моя родилась здесь, в Николе в 1910 году. Звали её Попова Александра Александровна. Семья у них была большая: 7 братьев и 2 сестры. Дом у них стоял в очень живописном месте не далеко от церкви на берегу. Моя бабушка Серафима Васильевна работала сторожем в церкви. В 1930 году моя мать выходит замуж в деревню Френиха, за Шестакова Ивана Николаевича. Иван Николаевич работал секретарём сельсовета.

В 1931 году родилась у них дочь Тамара. Только прожили они не долго, разошлись. Я родилась в 1937 году. Мой отец Меньшиков Михаил Иванович работал директором Никольского маслозавода. С нами он не жил, в деревне Манылово у него была другая семья. В годы войны отца на фронт забрали. С войны он не вернулся, погиб. Я его совсем не запомнила, воспитали меня мать и бабушка. Бабушка хорошая у нас была. Бывало сестра в школу уйдёт, мать на работу, мы с ней одни останемся. Никогда нам с ней скучно не было. Дом наш был гостеприимный, всех принимали. Помню, очень я в школу хотела. А поскольку родилась в октябре, со своим годом меня не взяли. Пошла в 1945 году. Первую учительницу звали Рождественская Александра Васильевна. А потом ещё Нина Ильинична Клыкова учила.

— **Расскажите, как Вы оказались в детском доме?**

— Мать моя вначале работала в колхозе, была на хорошем счету. В годы войны перешла работать в детский дом поваром. Потом директор детского дома Ирадионова Анна Георгиевна поставила её завхозом. Очень не хотелось ей эту должность занимать. В 1947 году в детском доме сгнила картошка. Порчу картошки поставили на мою мать. Суд был, матери дали пять лет. Помню, как её военные повели в тюрьму, пешком. Сестра меня привела в детский дом. Привыкала я в детском доме долго, сбегала к соседям, к знакомым. Из-за матери, директор детского дома меня очень не любила. Но делать было нечего, постепенно подружилась с Шурой Мартюковой, с Ваней Черепановым.

Помню, в детдоме лошадь была Охочая, а у неё жеребёнок звали Красавчиком. Все ребята любили за ним

ухаживать. Красавчик тоже ребят любил, ласковый такой был. Всё за нами везде таскался. Однажды обедаем, а он к нам прямо в столовую пришёл.

Летом детский дом переводили на пионерский лагерь по отрядам. Я была в младшем отряде, а Коля Рубцов был в старшем. Запомнилось мне, что он всё за Ниной Пипшиной бегал, заигрывал. Когда училась в 6 классе, в Тотме была Олимпиада. Мы ездили туда с выступлениями. Коля играл на гармошке, а мы показывали акробатические номера. Хорошо запомнилось, как провожали Колю Рубцова в Ригу всем детским домом. Повезли его на лошади.

В 1950 году мать моя вернулась домой, сразу забрала меня из детского дома. После семилетки я никуда не поехала. Вначале нянчилась с племянницей, потом устроилась телефонисткой на почту. Позднее перешла на работу в клуб. Работа была интересная. Составляла сценарии вечеров, готовила концерты, занималась оформлением клуба. Народу тогда много было, молодёжь любила в клуб ходить. Показывали кинофильмы, устраивали танцевальные вечера. Хорошо запомнилось, что часто танцевали под «Рио-Риту». Умели танцевать и вальс и фокстрот. И плясать тоже любили. По вечерам ходили гулять с гармошками.

— **Генриетта Михайловна, расскажите, как произошла ваша встреча с Рубцовым, после детского дома?**

— В июле месяце 1962 года у Аносовых был праздник, провожали в армию сына Володю. Туда и пришёл, приехавший в Николу, Рубцов. Я его сразу-то и не узнала, так изменился. Там и встретились. Стали встречаться. Приходил он к нам домой, с матерью общался, он её по детскому дому

помнил. Уезжая из Николы, оставил мне свой ленинградский адрес. А в августе я поехала в город Ломоносов. Там у меня подруга жила Мария. Все звала: «Приезжай вместе жить будем». Вот я и решилась. В Ломоносове устроилась почтальоном. В один из выходных ездили с Марией в Ленинград, да пути решили к Рубцову в гости заехать. Приехали, а его нет, он в Москве. Оставили ему записку.

Вскоре в Ломоносове у меня начались проблемы со здоровьем. То глаза слезились, то ухо беспокоило. Пошла в поликлинику, там я и узнала, что беременна.

25 октября у меня день рождения был. И вдруг меня вызывают. Выхожу, а это Рубцов. Сказал мне, что был на похоронах отца. В Ломоносове ему не понравилось. Я ему сказала о беременности. Он сказал, что мне лучше вернуться в Николу.

— **А как Рубцов встретил известие о том, что станет отцом? Обещал как-то Вам помогать?**

— Как встретил? Обрадовался. А вот на счёт помогать. Чем он мне помочь тогда мог, я и билет-то ему на обратную дорогу до Ленинграда сама покупала, у него денег не было.

— **А Ваша мама, как отнеслась к известию, что станет бабушкой?**

— Вначале ругалась, а потом смирилась. Когда из больницы с Леной домой пришла зыбка уже висела. И потом она помогала мне растить дочь. А Рубцов приезжал в Николу в январе месяце, ещё до рождения Лены, на каникулы. Была у нас небольшая свадьба, собирали самых близких родственников. Рубцов у нас жил. Стихотворение «В этой деревне огни не погашены» написано именно в этот период.

Лена родилась 20 апреля 1963 года. Послали Рубцову телеграмму. Из Москвы от него пришёл ответ: «Назови Леной, очень рад. Коля». В июле снова приехал в Николу. Действительно очень рад был дочери, часто с ней нянчился, наблюдал, как она спит, улыбается, говорил: «Видно ангелы с нею играют». Рубцов уезжал ненадолго и вновь возвращался. Любил ходить в лес, на речку. Знал грибные места. Помню, один раз принёс из лесу целую корзину белых грибов. Вывалил грибы на стол, снова побежал и опять корзину целую принёс. За ягодами иногда вместе ходили. Однажды большой компанией за морошкой ходили. И ягод насобирали и в карты наигрались за день.

Очень боялся Николай грозы. Однажды был в лесу, началась гроза. Прибежал из лесу и без корзинки. На другой день за корзиной ходил. Стихов он тогда много писал. Печатал на машинке, составлял подборки, но печатали его мало.

Жизнь в то время была трудная. Я получала 36 рублей. Да мать 27. Земли у нас было три сотки, так картошки только до Нового года хватало.

— **А Рубцов, как-то помогал Вашей семье?**

— Чем мог, помогал по хозяйству. Ходили с ним на сенокос, копали картошку, в лес ездили дрова заготавливать. Снега много было. Мы с ним пеньки очень высокие наставляли, лесник потом ругался. Не случайно у него есть стихотворение «По дрова». Когда мог, присылал дочери одежду, обувь. Один раз из Архангельска прислал валенки. Такие жёсткие, Лена их так ничего и не поносила. Игрушки привозил: воздушные шары, куклу, один раз заводную курицу привёз. Очень этой курице Лена

радовалась. Любил он Лену. Всё говорил: «Я на Лену похож. Не Лена на него, а он на Лену».

Вместе с ним ходили на праздники. Он хорошо играл на гармошке, мы плясали. В последний раз в Николу он приезжал в 1968 году, после похорон Александра Яшина из Никольска заезжал.

— **А после 1968 года Вы с Рубцовым встречались?**

— В 1969 году я ездила в Кириллов на совещание культработников, заезжала к нему в Вологду. Жил он уже на улице Яшина. Я прибралась у него, помыла полы. Он сходил в магазин, принёс еду. Я приготовила обед. К обеду к нему пришли гости. Видимо у Рубцова тогда была подруга Гета. Вот она и пришла с Юрой Рыболововым. Рубцов всё пытался показать, что эта Гета подруга Юрия. На другой день мы с Николаем ходили к Астафьевым.

Летом 1970 года вместе с Леной ездили в Вологду за покупками перед школой. Лена должна была идти в первый класс. Сразу с парохода пошли к нему. Там у него была Дербина. Рубцов говорит: «Познакомься, Гета, это Людмила моя двоюродная сестра». Я говорю: «Очень приятно. Но я знаю, что у тебя нет сестры Людмилы». Она после нашего прихода сразу ушла. Рубцов был очень рад увидеть дочь. Но пробыли мы у него не долго, уехали к тёте.

А последний раз мы встретились в сентябре 1970 года в Тотьме. У культработников был семинар. Занимались мы в Доме культуры. Там меня и нашёл Рубцов. Сказал, что приехал узнать, когда мы с Леной переедем к нему. «Мы не собираемся. Лена пошла в первый класс. Разве, что весной», — ответила я ему. А он гово-

рит: «А я ведь могу жениться». «Женись. Хватит уже одному-то болтаться». И вдруг он говорит: «А я, может, до весны-то не доживу». «Доживёшь, куда денёшься». В этот день мы ходили с ним вместе к Баранову Василию Ивановичу. Посидели там, а потом я ушла ночевать в Дом колхозника. На другой день Рубцов хотел уехать на «Заре» в Вологду, но не уехал. Поехал вместе с нами на пароходе в семь часов вечера. Купил билет мне в каюту, со скандалом, до Усть-Толшмы в каюты билеты не продавали. В каюте кроме нас ехала бабушка. Сидели, разговаривали. Он вдруг сказал, что хорошо бы у нас с ним был ещё сын. И звали бы его Коля Рубцов.

В два часа ночи я сошла с парохода, Рубцов спал. Это была наша последняя встреча. На Новый год мы с Леной собирались к нему в Вологду. Я уже себе и замену на работе нашла. Но выехать мы не смогли. Все дороги замело, транспорт никакой не пошёл. А 19 января вечером принесли телеграмму: «19 января в Вологде скоропостижно скончался Николай Рубцов. Похороны 21 января, телефон...» Подпись: Романов.

На другой день в ночь я выехала в Вологду. Хорошо машины пошли из Верх-Толшмы меня взяли. Ехали мы всю ночь. В Вологде Александр Александрович Романов рассказал, что случилось. Гроб был выставлен в Доме художников. Лицо у него ошарапанное было, ухо оторванное.

Я вот всё думаю, что бы мне его тогда на пароходе в Николу бы позвать, он бы поехал. Может быть, и остался бы, жив.

(Запись сделана в 2000 году.)

ИСТОРИЯ ПОРТРЕТА

В рабочем кабинете композитора Валерия Гаврилина, на стене у рояля, висит графический портрет поэта Николая Рубцова.

Я была там и видела этот портрет. Мысли о нём меня не оставляют, и я попытаюсь рассказать, как, когда и почему он появился у композитора, кто его написал. Но прежде я не могу не рассказать о последней квартире Валерия Гаврилина. Это важно для дальнейшего повествования.

Мне посчастливилось в 2004 году побывать в гостях у жены композитора Наталии Евгеньевны Гаврилиной самой близкой ему и любимой женщины, незаменимой помощницы и единомышленницы, а сейчас ставшей хранительницей его творческого и духовного наследия, инициатором издания, редактором и автором книг и публикаций о Валерии Александровиче Гаврiline.

Я жила в квартире композитора целых три дня!

Невозможно передать словами чувства, испытанные мной. На первый взгляд, всё здесь было просто. Этот «островок музыки» в обычном петербургском доме состоял из спальни, кабинета, кухни и широкого длинного коридора, одна из стен которого была занята стеллажами с книгами.

Когда вместе с Наталией Евгеньевной я впервые вошла в гаврилинский кабинет, то даже сначала не поняла, что же происходит со мной. Мне казалось, что отовсюду: от стен и особенно потолка, от каждой вещи, находящейся здесь, веет теплом; что воз-

дух насыщен чем-то, трудно выразимым словами, какой-то мудрой добротой; что каждый предмет в кабинете: рояль, шкафы, стеллажи, каждая фотография, иллюстрация, портреты на стенах — полны гармонии и особого смысла.

Конечно, я была уже подготовлена к такой встрече и много знала о композиторе, так как в восьмидесятых-девяностых годах, во Дворце детского и юношеского творчества вела кружок «В мире поэзии» и вместе с детьми переписывалась с Валерием Александровичем; мои кружковцы Анна Коврякова и Иван Болгов даже написали в разное время доклады о жизни и творчестве композитора и успешно выступали с ними на Всероссийском литературном празднике и Областной краеведческой конференции. («Композитор Валерий Гаврилин лауреат премии Ленинского комсомола». 1988 год. Саратов. «Его жизнь музыка». 1998 год. Вологда.)

В 1997 году состоялась наша встреча с композитором в Вологде.

Позднее, уже в 2001 году, мной была написана небольшая книга-брошюра «Кастальский ключ» воспоминания о совместной с кружковцами переписке, дружбе и встречах с композитором и его музыкой.

Я знала от Наталии Евгеньевны, что в этом помещении нет случайных вещей — только то, что помогало композитору создавать музыку, размышлять, писать статьи.

Она же рассказала, что кабинетом Валерий Александрович всегда занимался сам. После каждого вынужденного переезда (их было несколько) представлял по стеллажам свои рукописи, нотные сборники, любимые кни-

ги, развешивал по стенам фотографии родных, друзей, близких ему по духу, портреты любимых композиторов, философов, писателей и поэтов. Очень любил подсвечники, зимние букеты, а над роялем на ниточках у него висели две искусно сделанные изящные бабочки.

Наталия Евгеньевна рассказывала, что композитор никогда не придавал значения материальной ценности тех вещей, что хотел видеть перед глазами. Это могла быть полубившаяся открытка (вдова писателя Фёдора Абрамова подарила открытку с изображением св. Артемия Веркольского), или вырезка из журнала «Огонёк». Валерий Александрович сам делал для них рамочки и помещал на стены. И всё это сосуществовало у него в замечательном единстве, красоте и порядке. Никому не позволялось убирать в кабинете, вытирать пыль, что-то переставлять и переделывать, кроме хозяина.

Теперь в кабинете навсегда раскрытый рояль и ноты «Отчалившая Русь» Георгия Свиридова (по лирике Сергея Есенина). Кажется, композитор вышел куда-то, сейчас он вернётся и сядет за инструмент.

Портрет Николая Михайловича Рубцова появился здесь не случайно, впрочем, как и всё в этом кабинете.

Валерий Гаврилин часто и много размышлял о несравненном таланте Николая Рубцова, его творчестве и роли в жизни русского народа с самыми близкими по духу и образу мыслей людьми: композитором Георгием Васильевичем Свиридовым и блистательным художником-графиком Юрием Ивановичем Селиверстовым.

О глубине и важности вопросов, обсуждавшихся ими, мне говорить сложно, но тема Родины и её заступников, её гениев поэзии, музыки, философии присутствовала в их диалогах постоянно.

Чтобы не быть голословной, позволю привести отрывок из письма Наталии Евгеньевны Гаврилиной от 10 февраля 2004 года:

«...Вчера был у меня Ю.И. Селиверстов. По его просьбе, а вернее предложению, я оставил автограф на своём портрете работы Юрия Ивановича. Портрет этот предназначен для Вас. Мне это доставило удовольствие, притом большое. ...Автограф написал Вам со смыслом из А. Блока: «Мы, сам-друг, над степью в полночь встали...».

Приведём строки этого стихотворения:

Мы, сам-друг, над степью в полночь встали: Не вернуться, не взглянуть назад. За Непрядвой лебеди кричали, И опять, опять они кричат... На пути горючий белый камень.

За рекой поганая орда. Светлый стяг над нашими полками Не взиграет больше никогда. И, к земле склонившись головою, Говорит мне друг: «Остри свой меч, Чтоб недаром биться с татарвою, За святое дело мёртвым лечь!» Я не первый воин, не последний, Долго будет родина больна. Помяни ж за раннею обедней Мила друга, светлая жена!

«Смысл» процитированных блоковских строчек раскрывают многие письма композиторов.

Портрет Г. В. Свиридова, написанный Ю. И. Селиверстовым и подаренный В. А. Гаврилину, и сейчас висит в кабинете композитора, висит навеч-

но! Так же, как и другие портреты работы Юрия Селиверстова Льва Толстого, Сергея Есенина, Модеста Мусоргского, философа Михаила Бахтина и других.

Портрет Николая Рубцова тоже подарок. Он был написан Селиверстовым, как рассказывала Наталия Евгеньевна, со стеклянной пластинки,

какие использовались фотографиями профессионалами в 50–70-х годах.

Пока мне не удалось установить, в каком году это произошло, но сам факт присутствия портрета Н. Рубцова в доме Валерия Гаврилина красноречиво говорит о многом.

13 января 2011 года

Юрий МАЛОЗЕМОВ

СОВРЕМЕННОКИ

Современники — это люди, жившие или живущие в одно и то же время. На этой Земле, на этом Свете. Это бесспорно. Мне немногим более полувека, но я современник Ахматовой, Пастернака и даже Бунина! Современник, хотя их жизненный путь шёл к завершению, когда мой лишь начинался.

Я — современник Рубцова. Видел ли я его? Не знаю... Поэт около пяти лет прожил в Вологде, да и раньше часто приезжал. Я мог встречать его на улицах города, мог видеть, пусть и неосознанно. Так же, как не знал, и поэтому не помню художницу Генриетту Бурмагину, хотя, безусловно, видел её, причём часто — она больше года преподавала в нашей школе, когда я учился ещё в начальных классах.

Я видел Льва Николаевича Гумилева в Никольском соборе, тогда ещё Ленинграда, на панихиде Анны Ахматовой устроенной в день её 100-летия. Лев Николаевич, поддерживаемый кем-то из престарелых друзей или учеников, молился стоя. Наши глаза встретились на 2-3 секунды. Во взгляде его были лишь грусть и уста-

лость. Моему младшему внуку нет ещё и четырёх лет, но он — современник Солженицына. Можно ли гордиться этим? Можно и нужно.

ВЕНЕРА

В моём рабочем кабинете рядом с портретом Николая Рубцова стоит гипсовая копия статуи Венеры Милосской. Не устаю любоваться её вечной красотой и совершенством форм. Эта средних размеров статуэтка была привезена другом Рубцова Нинелью Александровной Старичковой вначале 1960-х гг. с какого-то южного курорта. И, именно она, эта самая гипсовая копия вдохновила Рубцова на создание стихотворения «Венера», существующее в трёх вариантах. Однажды, вытирая пыль со статуэтки, я услышал, как внутри её что-то прошуршало, перекачиваясь. Фигура была полый, и, вооружившись длинным пинцетом, я извлёк на свет две маленькие, скрученные в трубочки, бумажки. На обеих был записан один и тот же пятизначный телефонный номер. Немалых трудов стоило найти адрес номера, для чего пришлось перелистать кучу старых телефонных справочников. И вот, наконец, искомый адрес: женская тюрьма

на Советском проспекте, где содержалась Дербина после убийства. Ещё одна загадка вокруг имени великого поэта.

ТОЛИНА МОГИЛА

Кладбищенский художник Толя очень хотел быть похороненным рядом с Рубцовым. Днём он, как и другие художники, гравировал портреты умерших людей на граните и мраморе, а после работы ходил вблизи рубцовой могилы, искал для себя место, вымерял. И вписался-таки. На правах работника кладбища Толя сам вырыл могилу. Дно и стенки ямы укрепил, обшил досками. Накрыл листом древесно-стружечной плиты, а поверх большого холмика поставил простой железный памятник с табличкой, на которой обозначил своё полное имя, только после даты рождения и тире, там, где обычно ставят дату смерти,

оставил пустое место. Художники и копатели могил смирились с Толиным чудачеством, но, однажды, обидевшись за что-то на Толю, решили его наказать. Взяли и продали готовую могилу очередному клиенту. Ничего не подозревавший Толя находился в то время в запое и на кладбище не появлялся. Пересилив, наконец, недуг Толя вышел на работу и сразу узнал страшную новость. Толя стоял над украденной у него могилой с чужим свежим крестом обложенным венками и горько плакал, размазывая крупные слезы по опухшему лицу. Плакал о своей неудавшейся жизни, о поэте Рубцове, которого боготворил, о той мечте, что была так реальна, но выпорхнула, как помятый мотылёк из раскрытой детской ладошки. Через два года Толю зарезал собутыльник. Где похоронили — неизвестно.

ГАЛИНА ПАНИНА

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ Н.М.РУБЦОВА

Памятник Поэту — рядом,
Поклонюсь под шум берез,
Он меня согреет взглядом,
Потому, что так же прост.
Потому, что чист душою,
Притомился и присел
Перед Родиной большою,
У которой много дел.
Было холодно и сыро,
Я поближе подошла,
Белой чайкою парила
Над рекой его душа.
Дорожу его строкою,
Каждым шагом дорожу,
По строке вожу рукою,
Чистым воздухом дышу.

ПОШЕХОНСКИЙ ПОГОСТ

Пошехонский погост,
Чуть правее от входа
Указатель в мой рост
На могилку Рубцова.
Из бетонных страниц
Тропка более метра.
Никого, кроме птиц
И заблудшего ветра.
Георгины несем
И печаль желтых лилий,
Летним праздничным днем
«Три семерки» разлили.
День Военно-Морской
Моряки отмечают,
С неподдельной тоской
Всё о море мечтают.
Подмигнул Коля нам
И развеял печали,
А потом по волнам
Скрылся в синие дали.

НОВАЯ КНИГА О РУБЦОВЕ

*И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.*

Анна Ахматова

Вышел в свет второй том книги Михаила Сурова «Рубцов. Факты. Воспоминания. Посвящения». Казалось бы, что ещё можно написать о Рубцове, какие ещё можно найти и опубликовать подлинники, когда столько уже написано и многократно перелистаны дела в госархиве и частных собраниях? Автор книги, опираясь на фактический материал, открывает новые и новые страницы жизни поэта, те, что были, казалось, утрачены, но счастливо обретенны, а также те, что ранее умышленно замалчивались и даже сознательно подтасовывались.

В книге собраны материалы судебного процесса по делу об убийстве

поэта, которые существенно отличаются от материалов следствия, а также впервые озвучена версия о причастности к убийству нового лица, подтверждённая фактами. Впервые публикуется родословное древо рода Рубцовых, материалы и документы, касающиеся периода учёбы поэта в Литинституте, а также новые автографы, иконография, воспоминания.

Двухтомник Михаила Сурова «Рубцов» является самым полным академическим собранием фактических материалов о жизни и творчестве великого поэта.

Ю. Малозёмов

Ираида МЕТЛЯЕВА

ВОЛШЕБНЫЕ НАПИТКИ ОСЕНИ

Работа окончена. Можно быстро сбежать по лестницам: первая, пролет, вторая — «Пока! Пока!», третья, четвертая. Пятая уже на улице. Храм науки и культуры остается позади, а ты — в осеннем сумеречном городе: темно-синее небо, нежные полублестевшие кроны, гулкий влажный воздух. С каждым вдохом в тебя вливается невидимый коктейль из тайны и беспричинной радости, пряно пахнувший опавшими листьями. В нем — что-то от запредельного...

Есть особое удовольствие в быстрой ходьбе на высоких тонких каблуках — мостовой почти не касаешься и кажется, что летишь. Какое блаженство!..

Когда-то давно ты любила эту улицу, но на ней многое изменилось. Восхитительного старого дома с резными наличниками, верандой и голубыми на чердаке, нет и в помине. В солнечную погоду он выглядел голубым, а в ненастье — серым. Ты забегала в его подъезд с подружкой, спасаясь от преследования незадачливых ухажеров. На улице хлестал дождь, а вы беззвучно смеялись, ловя языком падающие с носа капли... Тебя — двадцатилетней, написавшей про тот дом стихотворение — тоже давно нет. Два глотка грусти для полного счастья, и ты идешь дальше.

Декорации меняются: теперь это широкая яркая улица, заполненная людьми и автомобилями. В воздухе витают флюиды выходного дня.

У праздных прохожих расслабленные лица и позы. Может быть, и тебе сегодня выпить? Хорошая идея!

Очередное чудо прогресса выплевывает денежную купюру. Ты богата!

И вот уже плоская бутылочка дербентского коньяка немного утяжеляет сумку. Полный восторг!

Поэт Рубцов, «принявший на грудь», тоже ходил по этому городу и писал стихи. Чин-чин, Николай Михайлович! Как Вы там? Теперь у Вас есть памятник, музей, всенародная слава. Интересно, греет ли все это Вашу одинокую душу?

Вопрос риторический. Покажите, пожалуйста, того, кто не одинок в этом мире. Вот идет пожилой человек в сильно потертом пальто, вид которого уже издаലെка кричит о глухой и беспросветной жизни. На минуту он останавливается, чтобы взглянуть в своё лицо. Память яркой вспышкой освещает картину: тебе нет и восемнадцати; незнакомый город; чужая, очень большая квартира, заставленная антикварной мебелью; изношенный паркетный пол; на стенах — множество старинных икон; повсюду книги. Взрослый мужчина внимательно смотрит на тебя и предлагает попробовать крепкий напиток цвета темного янтаря, от его запаха щекоет в носу и кружится голова. Но, обстановка такая, что отказаться невозможно...

Столько всего случилось с тех пор, но тебе удастся выглядеть не хуже чем раньше, а он — сильно постарел — на лице глубокие морщины и следы многолетних возлияний. Интересно, осталось ли в его доме что-нибудь, кро-

ме паркета? — ещё один вопрос в пространство и ты идешь дальше.

Все прекрасно! Пока люди живы, искушение неизбежно. Оно придает вкус человеческим отношениям, и интригу любому настоящему художественному произведению. Не будь его, и реальность и искусство оказались бы пресными...

Жизнь многомерна. Формы перетекают одна в другую. Не нужно ставить клейма, вешать ярлыки. Мир не застыл, он меняется, пульсирует. Конечно, есть болезни, войны и смерть, но есть и поэзия — смысл и оправдание этого мира! И лучше всего то, что уже не важно, думает ли так кто-нибудь кроме тебя...

Ну, вот, — ещё один магазин, — и у тебя в руках диск, который ты давно хотела. Значит, тема этого вечера продолжается. Просто замечательно!

Теперь, всего несколько десятков шагов и ты дома. Что может быть лучше уютного кресла и рюмки коньяку в предвкушении новой версии Дорiana Грея с Колином Фертм?..

ЗЕЛЕНЫЙ ЗАЯЦ

С конца декабря на моем телевизоре разместился огромный зеленый заяц из шаров — символ наступающего года — нелепый, похожий на стилизованный надувной арбуз! Я бы предпочла более изысканный подарок, но изобразить радость и удивление, бурно поблагодарить было легко — ни один из моих мужчин ещё не дарил мне зайцев, сделанных из шаров. Забегая вперёд, скажу, что в моём случае «лучше было никогда, чем поздно». Такой подарок считается романтич-

ным. Я даже поцеловала это чудовище в щеку накрашенными губами. Получился характерный, говорящий след: такие следы оставляют девушки, когда питают нежные чувства. Что мне еще оставалось делать? Не могла же я разочаровать человека.

Таким образом, почти месяц в моей комнате обитали два посторонних существа: наряженная всяким блестящим вздором ель и ещё этот заяц, который сочетался с колючим деревом по цвету, но изрядно портил композицию. Мало того, моё любимое скромное жильё стало меня раздражать, но я это чувство старалась игнорировать, и заставляла себя думать, что всё хорошо.

Закончились январские праздники, включая Крещение. Украшения с ёлки, завернутые в салфетки, улеглись ровными рядами в коробку, и водрузились на антресоль до следующей зимы. Ёлка тоже была «снята с креста», и, упакованная в принадлежащий ей футляр, заняла свое привычное место в углу темной комнаты. К счастью, мою красавицу не пришлось выбрасывать — стали выпускать приличные искусственные ёлки. Это спасает наиболее чувствительных граждан, включая меня, от ежегодных угрызений совести. Настала очередь Зайца. Что же с ним делать? Он выглядел еще более уродливым, чем вначале, потому, что стал потихоньку сдуваться. К сожалению, из него нельзя было выкачать воздух, чтобы, когда понадобится, он смог обрести достойную форму. Сбросить его с балкона, — и он будет мыкаться по двору, неприкаянный — тоже негуманно. Господи, что же делать? Как спасти от агрессивно настроенной женщины хрупкое беззащитное

животное? К тому же, меня не оставляло стойкое предчувствие, что наши отношения с его дарителем не выдержат смерти этого бедного зеленого зайца и тоже уйдут в небытие. Будь что будет! Игла знает свое дело! Экспансия окончена! Раздался резкий громкий хлопок, потом еще восемь — потише. После нескольких разрушительных манипуляций на полу лежала зеленая резиновая тряпочка, на которой красовались два больших бумажных глаза. Ну вот, все кончено!

Усилия не прошли даром — моя комната обрела пространство, воздух и свойственную ей пастельную палитру. Глаза отдыхали, а душа ликовала.

Но предчувствия, всё же, оправдались: спустя несколько часов, после непродолжительной ссоры, мой друг покинул моё жилище вслед за зелёным зайцем. Скорее всего, он до сих пор не подозревает, что именно послужило причиной нашей последней размолвки. Но, однозначно, что наш безобидный, на первый взгляд, общий приятель вложил в неё свою не малую лепту.

Господа, дарите своим дамам, если они перешагнули двенадцатилетний возрастной рубеж, только золото и брильянты. В крайнем случае, — цветы, конфеты и духи. Иначе, вы сильно рискуете...

23.01.11 г.

Ева НИКИТИЧ

СИРЕНЬ И КИПАРИС

Впервые он увидел свою будущую жену на танцах в Соляном парке, —

так странно назывался их главный парк в городе. Она выделялась среди подруг. Высокая и статная, она была похожа на цветок — белое в голубой горошек платье очень шло к её белокорым локонам и голубым глазам. Когда он пригласил на танец, она с улыбкой приняла его приглашение. Он закружил её в танце и вдохнул её запах, напоминающий своей сладкой свежестью запах цветочных лепестков.

— Что это за духи чудесные у Вас? — спросил он незнакомку.

— Белая сирень, — ответила она.

— О ! И Вы сами похожи на неё. Она не растерявшись ему ответила,

— А Вы похожи на дерево... стройное такое — кипарис называется...

И они оба расхохотались.

Через год они поженились. И тут же грянула война. В марте сорок первого у них родился первый сын — голубоглазый в неё и с черными волосами в него. Кипариса не забрали на войну: у него были легкие, и он работал на ответственной работе, только вот на карточку давали очень мало хлеба. Семья голодала и Сирень стала тростиночкой: всё лучшее она отдавала сыночку — росточку Тополёчку.

Второй сын родился в сорок третьем, был очень слабым и умер. Мать из белой сирени превратилась в черную — буквально в один день.

А потом была победа, и у них родился ещё сын, которого они назвали Славой. Сирень снова расцвела. Жизнь налаживалась.

Теперь Сирень превратилась в роскошную женщину и подарила ему ещё сына — Владимира. Когда она гуляла с детьми: на них заглядывались и спрашивали: «И это все Ваши?» И она с гордостью отвечала: «Да».

«Такая красавица и трое детей...» — грустно замечали встречные мужчины, а женщины с завистью думали: «Чем она мажет лицо? У неё такая кожа!..»

А она не любила праздных разговоров и была вся в семье.

По правде сказать: забот с детишками было по горло, но она как бы шутила с ними управлялась и успевала всё делать играючи. А по вечерам вся семья собиралась за столом, и они играли в лото и шашки. Мать всегда была заводилой и участницей, а отец был рядом, читал газеты или решал трудные задачки младшему сыну.

Их дети незаметно выросли, и когда они уезжали на учебу в её родной город Ленинград, то мать тайком крестила их и шептала молитву Божьей Матери о сохранении её чад.

Пришло время, и они с мужем остались одни — их дети оперились и улетели из родного гнезда. Сирень стала вянуть и сохнуть от тоски по ним.

— Слушай, мать, давай съездим в Крым, я давно хотел тебе показать родину моих предков, — предложил муж — Кипарис.

— Давай, — согласилась Сирень.

Это был их первый отпуск без детей за многие годы жизни. Крым просто покорила своим великолепием всё ещё красивую зрелой красотой северную Сирень. И на эту чудесную пару заглядывались и любовались многие отдыхающие.

— Кто они? Муж и жена? Нет, наверное, любовники. Они ходят за ручку, как дети, и никого вокруг себя не видят. Мужчины смотрели на женщину и восхищались её статью и элегантностью, а женщины восклицали: «Какой импозантный мужчина, седой и

благородный, а какая у него стройная фигура и шевелюра чудесная!»

Когда они приехали домой, их ждал сюрприз: старший сын приехал на кабриолете с невестой — маленькой девчушкой ростом ему по плечо. У неё были голубые глаза, и волосы цвета спелой ржи.

— Смотри, отец, — сказала Сирень мужу, — как всё в жизни повторяется. Эта парочка мне напоминает нас с тобой в молодости.

— Точно! — ответил отец.

— Так пусть же они проживут свою жизнь так же счастливо, как мы с тобой, мой Кипарис.

СКАЗКА ПРО ЧАЙНИК

На одной городской кухне жил красивый никелированный чайник со свистком. Когда он закипал, то свистел громко, как паровоз, и все сразу прибегали и выключали газ под ним. Чайник хвастался всем обитателям кухни, что он тут самый главный, потому что его чаще всего ставят и зовут гостей пить чай и делают это по сто раз в день.

Сковорода стала возражать ему, но он прикрикнул на неё:

— Молчи, старуха! Тебе, наверное, сто лет в обед будет, и ты морально и физически устарела. Кто теперь на тебе жарит? Только старая бабушка и вообще: тебя молодая хозяйка хотела выкинуть. Я сам слышал, как она спорила с матерью и говорила ей: «Зачем нам это старье?!»

Тут в разговор вмешалась кастрюля.

— Тогда расскажи, что дальше было.

— Да, я не очень дальше слушал, у

меня тогда всё кипело внутри, — пробулкал чайник.

— Тогда я дальше расскажу, — сказала кастрюля. — Наша домохозяйка (так кастрюля называла хозяйку, которой принадлежала), сказала своей дочке: «Детка, береги эту, на вид не очень красивую старую сковороду, — она ведь чугунная, и ей нет цены: она хорошо готовит, и в умелых руках просто клад. Мне её передала по наследству твоя бабушка, а ей эту сковороду подарили на свадьбу с таким напутствием:

— Путь к сердцу мужа лежит через его желудок.

— Как это так? — удивилась дочка.

— А очень просто, дорогая моя. Ты когда из школы домой голодная приходишь, что тебе больше всего хочется? Покушать и отдохнуть. Вот и ответ. А если дома нечего поесть, то и отдых и любовь на ум не пойдёт. Не правда ли?

— Да, протянула дочка, — ты права.

— А если ты не будешь хорошо кормить своего будущего мужа, то он будет голодный и злой, вы будете ссориться, и он сбежит от тебя к той, которая хорошо готовит.

А потом они ушли в комнату и долго там о чём-то говорили. Вот как дело было».

Тут в разговор вмешался Чайник и сказал:

— Они могли бы попить чаю с бутербродами. Тогда кастрюля воскликнула:

— Так ведь одним чаем с бутербро-

дами сыт не будешь!

— Правда, правда... — зазвенели тарелки, и их поддержали ложки и вилки, а из хлебницы вдруг послышался глухой голос.

Там хлеб ворчал:

— Это я, хлеб, всему голова.

— Почему голова? — удивился чайник.

— А потому, что когда все садятся за стол, на самом почётном месте в центре стола стоит хлеб, и меня очень любят все кушать, даже собачка Лира и та меня любит.

— Ха, ха! — засмеялся чайник. — Тоже мне придумал: «собачка его любит». Вот какая чепуха!

Тогда хлеб рассердился на чайник и рассказал всем такую историю:

— Когда в войну немцы окружили Ленинград, то Гитлер дал приказ поджечь все склады, где были запасы продовольствия. Так он решил заморить голодом целый город. И тогда по карточкам всем, кто оказался в блокаде, стали давать хлеба по 125 граммов, такая была норма, и благодаря хлебу многие остались живы.

— А чай они пили? — с надеждой в голосе спросил чайник.

— Конечно, пили. И хлеб в нём размачивали, и варили даже, — ответила старая кастрюля — получалась — тюрка. Вот такое было кушанье.

— Извините меня, — пробормотал чайник, — я и не знал про это ничего.

— Не огорчайся, — сказала ему сковорода, прожигёшь, как я, лет сто — много чего узнаешь.

С тех пор на кухне воцарился мир и согласие.

Ноябрь 2010 г.

НИКОЛАЙ БУШЕНЕВ

О ТВОРЧЕСТВЕ ИГОРЯ ЭПАНАЕВА

Творческий вечер И. Эпанаева, состоявшийся в начале апреля нынешнего года в Череповце, был посвящен 30-летию его литературной деятельности (начал он писать с шести лет, а сейчас ему — тридцать шесть). 30 лет... Уже не детство, но ещё и не зрелость. Пожелаем же Игорю Владимировичу быстрейшего творческого взросления, возмужания и долголетней плодотворной творческой деятельности на радость его многочисленных поклонников. Не только в Череповце, но и на необъятных просторах России (печатается-то Эпанаев во многих юмористических изданиях, в том числе и центральных; задействован и в Интернете). Но при этом желаем ему оставаться полным юношеской энергии и детской пытливости и непосредственности (тем более что этими качествами он подпитывается и от карапузов, и от тинейджеров, для которых в основном и пишет, с которыми постоянно и тесно общается, как свой среди своих, и которых довольно-таки умело и успешно ставит на литературную стезю, у которых воспитывает вкус к точному, весёлому, ироничному русскому слову).

Игорь Эпанаев входит в число наиболее ярких по своей самобытности череповецких поэтов, к которым я отношу Игоря Северянина (обратим внимание на то, что Эпанаев тёзка своего знаменитого земляка, «короля поэтов», и выпускает журнал со звучным названием — «Северянин»), всем известного

Александра Башлачёва, тонкого лирика Валентина Федотова и баснописца Вячеслава Хлебова. Вот, пожалуй, и всё. Можно спорить и по-разному оценивать степень таланта и «шедевральности» произведений перечисленных авторов, но вряд ли есть основание не согласиться с тем, что у Игоря Эпанаева своё, выделяющееся среди тысяч и тысяч ныне пишущих и неистово «стихоруствующих» творческое, хотя и по-детски озорное, но добродушное лицо.

На творчество Игоря Эпанаева, когда он был студентом ЧГУ, обратил внимание профессор Михаил Иванович Сидоренко (автор ценнейшего научного издания, уникального «Словаря языка и рифм поэзии Н Рубцова»). М.И. Сидоренко отметил самобытность начинающего поэта и всячески поддерживал его творческие порывы. А владеющий безупречным языковым и художественным вкусом, прекрасно знающий всю мало-мальски заслуживающую внимание отечественную поэзию (в том числе современную) профессор всех подряд не поддерживал.

В чём самобытность Эпанаева? В данной заметке не ставится задача проанализировать и критически осмыслить его литературное творчество. Здесь предпринята попытка бросить беглый и, наверное, во многом субъективный взгляд на особенности его стихового почерка. Как представляется, это: 1) сотворенное им — своего рода литературная маска (но эта маска соединена с зафиксированной в паспорте фамилией, а не скрывается под псевдонимом и не отчуждается от самого автора; хотя вспомним слова И. Северянина-

на, тоже «масочника», из его «Медальонов», где он посвящает сонет «себе любимому»: «Он совсем не то, что думает о нём толпа пустая, стихов принципиально не читая, коль нет в них ананасов и авто»); 2) стёртость, размытость граней между реальностью и ирреальностью (истиной и заблуждением, истиной и ложью или полуложью, действительностью и иллюзией или миражом, галлюцинацией, достоверной информацией и дезинформацией или блефом, логичными поступками и абсурдным поведением, реальным и виртуальным миром, в т.ч. художественным вымыслом, серьёзным, «всамделишным» и шутивым, «понарошку», действительным высказыванием и игровой речью и др.); 3) отображение современной абсурдной реальности; 4) ребячество, дурашливость, прикольность; 5) любовь к трансформациям (слов > фраз, текстов — в основном прецедентных); 6) целенаправленность творчества, нацеленность его на своего читателя (тинейджера, вообще на человека, склонного подурчиться, отвлечься от суровой действительности, в любом возрасте); 7) игра в абсурд; 8) отсутствие цинизма; 9) отсутствие ложного пафоса; 10) краткость формы и её однотипность (даже нередко монотонность); 10) саморежиссура и самоисполнение (Эпанаев выступает и как творец своей маски, и как производитель творческого продукта, и как менеджер по продвижению товара, рекламодатель, и как презентант, и как издатель, и как продавец; т.е. он взял на себя обязанности исполнителей во всей цепочке от замысла до сбыта литературной продукции, выступает, кроме того, и как импресарио; т.е. влился в современную коммерческую, рыночную сферу, в шоу-литературу, оставаясь

при этом кустарём-одиночкой); 12) самоирония; 13) детское простодушие и непосредственность; 14) незлобивость, добродушие; но, что самое ценное, 15) приличное владение основами техники стихосложения и литературным языком, что, к сожалению, довольно редко встречается у современных череповецких (да и вообще современных) поэтов и журналистов (не зря всё-таки И. Эпанаев окончил филфак; я думаю, он и сейчас занимается серьёзно самообразованием и постоянно, неуклонно повышает уровень своей общей, языковой и поэтической культуры; правда, сбои в речи у него встречаются при выступлениях на Форумах. Но это, очевидно, из-за спешки, из-за экстремальности подготовки материала; но это так, к слову, а не упрёка ради: все-то мы дети нынешнего бурно-халтурного века).

Были ли предшественники в творческом цехе у Игоря Эпанаева? Да, на мой взгляд, были. Их много. Это и шутивая русская народная поэзия (в первую очередь «перевертни» типа «Ехала деревня мимо мужика»), и лимерики (ирландская народная поэзия), и розыгрыши (особенно часто встречающиеся у молодёжи, а также в художественно-творческих и журналистских кругах, т.е. у людей, имеющих обычно много свободного или не строго регламентированного рабочего времени), и анекдоты (в основе своей это современный бытовой фольклор), и разнообразные литературные источники, среди них особое место занимают Козьма Прутков и авторы специально пишущие для детей (К. И. Чуковский, С. Я. Маршак, Борис Заходер — ср. его «заходерзости»). И отраднo, что, как представляется, меньшее влияние Игорь Эпанаев испытал от склонного к цинизму Влади-

мира Вишневого (естественно, не от его одностий, а от более простран-ных миниатюр). Мало повлиял на Иг-оря Эпанаева, думается, и бесшабашно (до пошлости)-ироничный Игорь Ир-те-ньев. И, напротив, более заметное вли-яние на творческую манеру И. Эпана-ева, по всей видимости, оказал Дани-ил Хармс. Назову ещё одного автора, на творчество которого мог бы ориентиро-ваться Игорь Эпанаев — это Николай Глазков. Но это такая могучая и экс-клюдивная вершина, на которую очень и очень трудно карабкаться. А всем нам, пишущим, надо хотя бы пытаться!

Реминисценции и прямые передел-ки (трансформации) хорошо всем с дет-ства известных текстов (или устойчи-вых оборотов речи, или метких народ-ных, а также индивидуально-авторских словечек), активно задействованные в стихотворных миниатюрах И. Эпана-ева, как полагаем, и связаны как раз с отмеченным выше осознанным или не-осознанным на него влиянием.

Это порой трансформации общеиз-вестных народных речений:

*Чем бы дитя ни тешилось,
Лишь бы ни вешалось.*

Это может быть явно не фарисей-ское отталкивание от библейской за-поведи:

*Возлюбите ближнего —
Верхнего и нижнего.*

(Ср. в первоисточнике: Возлюби ближнего своего).

Часто трансформируются фразы из литературных источников:

*Вожатый удивился,
Трамвай остановился.*

(Ср. первоисточник: «Вожатый удивился, Трамвай остановился» (С. Я. Маршак «Человек рассеянный»).

И всё же у И. Эпанаева своя, особая и по форме, и по содержанию поэзия,

которую следовало бы именовать в виде нового поэтического жанра игровой поэзии — эпанизмы (или эпанаевизмы).

Нужна ли творческая продукция Игоря? Я думаю, нужна. Нужна как игра, как тренинг при усвоении за-мысловатых, неоднозначных отноше-ний между языком (речью) и реально-стью, между игровой и созидательной деятельностью человека. Обращение к подобной поэзии (своего рода приклад-ной, если хотите, «прагмапоэзии») — это своего рода выработка иммунитета про-тив официоза, против манипулирова-ния сознанием человека. Естественно этот иммунитет должен быть выработан уже в детстве, поэтому поэзия Эпанае-ва рассчитана прежде всего на тинейд-жеров, с которыми он, к слову ска-зать, прекрасно находит общий язык и как организатор, как руководитель бесплатного (что совсем замечательно в наше... не буду подбирать слова ка-кое... время!) литературно-творческого кружка. Следовательно, Игорь Влади-мирович готовит к серьёзному воспри-ятию жизни и речи, и бытовой, и худо-жественной, через игру. Но игра направ-лена на усвоение какой-либо техноло-гии; в частности, игра представленная И. Эпанаевым, нацелена на усвоение технологии общения. Но чтобы разви-вать навыки самостоятельного творче-ского освоения мира (и материального, и духовного), нужны иные, более слож-ные приёмы и средства. В том числе и обращение к высокой поэзии (к шеде-рам отечественной и мировой литера-туры), которая «сеет разумное, доброе, вечное», а не направлена лишь на само-защиту личности, на сохранение каж-дым своей индивидуальности, на про-тивостояние зомбированию. Креатив-ность же вырабатывается другими, бо-

лее сложными приёмами, длительными самостоятельными поисками, блужданиями, и этим путь творческого человека напоминает путь алхимика. Но не в предосудительном, а в лучшем смысле этого слова — как первооткрывателя (см. в связи с этим замечательную книгу Яна Парандовского «Алхимия слова»). Но при этом вдолжна быть освоенной и ощутимой в каждом из оригинальных, новаторских произведений общезыковая и художественно-литературная основа. Изобретая собственный язык, вырабатывая особый идиостиль, новатор должен прекрасно знать свой родной язык, во всех его тонкостях, динамике, с учётом перспективы развития, должен усвоить сложную разветвлённую поэтическую стилистику, выработанную его предшественниками, лучшими мастерами слова, лучшими духовными, нравственными и умственными наставниками, наиболее тонко чувствующими ритм мира и ритм собственного сердца.

О мыслимых нами перспективах дальнейшего творческого развития Игоря Эпанаева.

Я думаю, тот творческий ресурс, который задействовал Игорь, в основном себя исчерпал. Далее начинается (уже началось) хождение по кругу (самоповторы). Конечно, бурная, кипучая натура Игоря находит свой выход в тусовках, в работе в ЛИТО и в творческом детском кружке, в организаторской и издательской деятельности.

Может быть, стоит попробовать себя в написании мемуаров (хотя бы в отдалённом будущем), критических заметок, в анализе творчества молодых или маститых череповских авторов, попробовать делать обзоры поэзии, писать рассказы-зарисовки, путевые, повседневные заметки? Может быть, И. Эпа-

наеву стоит вести дневник или записные книжки. Хочется, чтобы энергия И. Эпанаева нашла выход не только в его организаторской и преподавательской деятельности, но и в деятельности творческой, причем хочется, чтобы в этом направлении она поднялась на новую ступень, засверкала новыми гранями. А предпосылки для этого, я чувствую, есть.

Для кого-то туповатый, а для кого-то дурашливый, и в то же время глубоко мудрый Козьма Прутков, настойчиво повторял: «Никто не обнимет необъятного». И тем не менее к многогранности, даже к безграничности, надо стремиться. Что и доказал своим творчеством один из создателей Козьмы Пруtkова — Алексей Константинович Толстой: он ведь автор и других замечательных творений: и повести «Князь Серебряный», и исторических баллад, и песенных текстов «Колокольчики мои, цветики степные» и «Средь шумного бала...», и «Драматической трилогии», и «Истории государства Российского...» (перекличка с которым, кстати, в известной степени ощущается и в стихотворных миниатюрах И. Эпанаева), и др.

Один из отечественных мастеров языковой игры Андрей Вознесенский однажды использовал приём контактного словесного повтора: Питер, Питер. И получилось: Терпи, терпи! Используя подобный же приём, я повторяю: Игорь, Игорь, гори, гори!

ИГОРЬ ЭПАНАЕВ

УКУСИ МЕНЯ, ЦЕЦЕ, Я ЖИВУ В ЧЕРЕПОВЦЕ!

Укуси меня, цеце,
Я живу в Японии...
Вру, живу в Череповце,
Как вы сразу поняли.

СЛЁЗЫ МОИ

Слезы мои горючие!
Как вы меня замучили!
Бедные крокодиловы
Долго не проходили вы!
Льётесь рекой солёною
Вместе с тоской зелёною

Я соберу вас в баночку,
Лучше в ведро огромное,
И отвезу на саночках
В место глубоководное:
Вылью с тоской зелёною —
Станет река солёною!

ЖИЗНЬ МОЯ ХОРОШАЯ, ПОТОМУ ЧТО ГОША Я?

Нет, житуха Игорька
И печальна, и горька!

Послушай, Вадька!
Брось горевать-ка!
Ну, постарайся,
Поулыбайся!

КОСМОС ПУТИ-ШЕСТВИЯ

Я — то знаю, Млечный путь,
Приведёт куда-нибудь!

Стучат копыта
У следопыта!

Тайна будет тайной
И не будет явной!

Я ваще живу, ища
Каждый день сокровища!

Я доехал до конечной,
Потому что странник вечный.

Приближается гроза:
Вася — «против», Вадя — «за»!

Душа ушла не в пятки —
Она играет в прятки!

ВРЕМЕНА

ЗИМА

Куда же все лужи делись?
Наверное, в лёд оделись!
Застыли они от стужи!
О, где же вы, лужи, лужи?

ВЕСНА

Прекрати озорничать —
Нужно солнышко
встречать!
В мамином оконце
Снова будет солнце!

ЛЕТО

Я работала всё лето
На заправке драндулета,
Но вернулась, наконец,
В свой родной Череповец!

ОСЕНЬ

Проснулся. Осень.
Светает. Восемь.

ЭКСТРИМ

Мой шарик лопнул,
Ведь я его пнул!

От крутой слонятины
Остаются вмятины!

Припёрся к Ваде я:
Наелся радия,
Напился олова —
Мне было здорово!

Думал, просто паренёк.
Оказалось, парень-йог!

Мы идем сегодня в цирк:
Акробатики — кувырк!

У Валеры папа жирный,
Водит поезд пассажирный.
А у Маши папа ездит
На мопед по подьезду!

Наши семеро козлят
Постоянно волка злят.
Тут ещё пришел Нуф-Нуф,
Улыбался, волка пнув.

Я обидел муху —
Получил по уху.
Ведь не стоит обижать
Даже «мух и даже в пять»!

Отвисла челюсть:
А так — ты престель!

Обрело иное тело
Сорок тысяч рук:
Анатолий Барабелла —
Человек-паук!

ТРАДИЦИИ ШУКШИНА В ПРОЗЕ МИХАИЛА ЖАРАВИНА

«Талант, как известно, качество весьма неуловимое, летучее, изменчивое, его нельзя проверить алгеброй и можно разве что трудом, произведением — окончательным результатом творчества.»

Василь Быков

Михаил Жаравин и Василий Шукшин поистине гениальные писатели великой России. Именно они, как никто другой, воспевали в своих произведениях русскую душу, русскую землю.

Жизнь каждого из этих гениальных людей была нелёгкой, поэтому в их рассказах звучит тема сострадания души человеческой. Михаил и Василий, несмотря на то, что жили в разное время, близко к сердцу воспринимали происходящее в стране, писали, пытаясь тем самым заглушить глубокую душевную боль за родную землю.

Произведения, которые писали и Шукшин, и Жаравин являются связующей нитью их творчества.

Рассказ Василия Шукшина «На кладбище» произвёл на меня огромное впечатление. Здесь, как и в «Сердечной ране» Михаила Жаравина, просматривается тема семьи.

Встретившая главного героя на кладбище бабушка рассказала о том, как она ездила к своему сыну, не увидев там ни теплоты, ни ласки, ни благодарности: «Плохо приняли что ли? «Да сперва вроде ничего. Ведь я же не так приехала-то, я же деньжонок с собой привезла! Вот дура-то старая, ну не дурра ли?! Ну и пока деньжонки-то были, она ласковая была, потом деньжонки-то кончились, она...». «Уехала я скоро от них»

Старушка сидела на могилке своего второго сына. Она молчала и плакала, но горечь, горечь утраты никогда бы не ушла вместе с этими слезами.

Эта женщина выступала символом прошлого самого автора, она напоминала ему его мать. Не было в нашей истории другого поколения, в жизни которого, в самом существовании его приобрела бы такое всеобъемлющее значение мать.

Здесь самое время сказать, что именно она сыграла огромную роль в его духовном развитии. Тяга к матери, желание поделиться с ней остались у Шукшина на всю жизнь. Каким тёплым сыновним чувством благодарности пронизаны его письма: «Сплю и вижу, мама, как мы с тобой вместе живём»; «Мамочка, как твоё здоровье, родная? Милая, душа томит о вас!..»

Василий Шукшин всегда помнил и понимал, что сделала для него мать в главном — в стремлении, чтобы сын стал настоящим человеком.

Материнское сердце и чувство родины — те два животворящих источника, которые питали, поддерживали Шукшина всю жизнь.

Повествование в этом рассказе Шукшин ведёт от первого лица, а значит от своего имени.

Кладбище — это место, где нет повседневной суеты, куда люди приходят, чтобы почтить память усопших, а значит, предаться воспоминаниям, поразмышлять о настоящем. Шукшин сравнивает главного героя, который пришёл на кладбище, с собой, говоря о том, что, когда он по-настоящему думает о прошлом, он вспоминает мать.

Василия Степановича, главного героя рассказа «Сердечная рана» можно сопоставить со старушкой Шукшина. Это символы прошлого писателей. И тот, и другой ничего не имеют в жизни, кроме надежды, надежды на то, что их

всё-таки любят и помнят их дети, ценят родные. Через образы этих героев авторы передают нам свои переживания.

Возможно, что через образ внушки Жаравин хотел передать свои трепетные чувства к матери. То же самое происходит и в рассказах Шукшина.

Не о том ли хотят сказать нам писатели, что семья должна стоять выше всего, что никогда нельзя забывать о своих родителях, ведь их любовь — это самая прочная сила, которая не разрушится никогда.

В рассказе Шукшина «На кладбище» и в произведении Жаравина «Излучатель» можно просмотреть элементы мистики: «А когда солдатик зашёл в казарму-то на свет-то, — на гимнастёрке-то образ божьей матери»

На кладбище солдат встретил женщину, которая постоянно плакала. Плакала она о нас, о молодом поколении. Прикоснувшись рукой к спине солдата, она и оставила этот след.

Тяжела ноша, сынок? Да лучше уж зверине обличье, но нутро человека — и отец лёг, крышка гроба захлопнулась, яма начала осыпаться, и зверя выкинула из неё неведомая сила. А через пару минут могила восстановилась в прежнем облике: столик, крест на месте, будто никто и не разрывал её только что». Это элементы мистического в рассказе «Излучатель».

Написание таких рассказов говорит о том, что оба автора были очень впечатлительными людьми, воспринимающими всё близко к сердцу, что свойственно людям творческим.

Любимые герои Шукшина, как и Жаравина — это прежде всего, люди села, но не потому, что он считает их лучшей частью человечества. «Просто этих людей в силу собственных биографических обстоятельств знаю лучше прочих. А хорошо изучив их, рельефнее могу представить свойства

характеров своих героев, бесконечно близкие и родные душевные качества народа, с которым связан до сих пор многими нерасторжимыми узами». Герои, поступки которых воспринимаются как чудо, действуют в силу внутренних нравственных понятий, может быть, ими самими ещё не осознанных. Это «люди простые, но всегда неравнодушные, ищущие».

Михаил Жаравин многое унаследовал из опыта Шукшина. Тема традиций, преемственности в литературе — особая и весьма сложная. Органическая преемственность по отношению к классике существует не в букве, а в духе нравственно-философских поисках. Мы с уверенностью можем сказать, что Жаравин и Шукшин писали одним, народным, живым языком, доступным простым людям. В художественной позиции Шукшина и Жаравина, в их размышлениях о деревне огромное место занимают проблемы духовных ценностей, культурного прогресса. Эти авторы не только воспевали всё, что касается родной земли, они показали истинную душу простого русского человека, жизнь в деревне. Они оба покинули родные просторы, и именно поэтому их произведения наполнены тоской, и в то же время, несравнимой ни с чем любовью. Например, любовь к матери, она навсегда осталась в их сердцах до самой смерти. Множество рассказов посвящено этой теме. Они прожили разную жизнь, но их объединяли истоки, место, где возродился их талант. Можно с уверенностью сказать, что Жаравин, столь рано ушедший из жизни, явился продолжателем традиций Шукшина.

«Потеряли писателя, которого я поставил бы рядом с Шукшиным»

Василий Белов

ПРЕМИЯ ЗА РУСОФОБИЮ

Главную премию в области литературы «Русский Букер» за 2010 год, что средства массовой информации цинично называют национальной, дали за русофобию. Порадоваться успеху землячки, череповчанки Елены Колязиной не получилось, хотя автор талантлива и мастерски владеет словом.

Роман (скорее, большая повесть) «Цветочный Крест» основан на трёх тотемских легендах.* Нет необходимости указывать автору на многочисленные исторические нелепости — ей это вряд ли важно. Её цель достигнута.

Не могу согласиться с категоричностью критики романа представителями Русской Православной церкви. Молодому попу, недоумку и инквизитору, всё же противопоставлен старый мудрый иерей, и портрет первого не является обобщающим.

Но концентрация цензурной лексики в романе не просто немислимо высока, она сознательно доведена автором до степени отравы, а попытка выдать похабшину за обыденную народную речь — не что иное, как обыкновенная русофобия. Именно русофобия и явилась главным аргументом для тех, кто взял на себя право выбора «лучшего национального».

Ю.Малозёмов

Автограф

ВСПОМНИ, ВСПОМНИ ОБО МНЕ!

Стихи Н. Т. Бушенева
Мелодия В. М. Бакуменко

Handwritten musical score for the song "Вспомни, вспомни обо мне!". The score is written on ten staves of five-line music paper. The first staff begins with a treble clef, a key signature of one sharp (F#), and a tempo marking of "mf". The melody is written in a simple, accessible style with many eighth and quarter notes. The lyrics are written in Russian below the notes. The paper shows signs of age, with some ink bleed-through from the reverse side.

ЧУВСТВА ГИБНУТ В СПЕШКЕ ПРОХОДА, НО В МИНУТНОЙ
ТИ-ШИ-НЕ, ХОТЬ КОГДА-НИ-БУДЬ, ХОТЬ ПО-ХО-ДЯ,
ВСПОМНИ, ВСПОМНИ О - БО МНЕ...
И КОЛЬ ПА-РУ СТРОЧЕК ИСКРЕННИХ НЕ ПРИШЛЕШЬ, ХОТЬ
ПО ВЕСНЕ, ТО ВО СНЕ ХОТЬ-И - ЛИ МЫСЛЕННО -
ОБ-РА - ЩАЙСЯ ТЫ КО МНЕ...
ЕС-ЛИ СУ-МЕР-КИ У-ГРЮ-МЫ-Е, НЕ-ВЕЗЕНЬЕ,
СКУЖА, ГРУСТЬ, О-БО МНЕ ЛИШЬ ТЫ, ПО-ДУМАЕШЬ -
И С АУ - ШИ СПА - ДА-ЕТ ГРУЗ.
Вспомни, вспомни О - БО МНЕ!..

ВЯЧЕСЛАВУ БЕЛКОВУ

От нетерпения не дышат
читатели моей страны:
«Когда ж Белков для нас опишет
другую сторону Луны?»

ЮРИЮ МАКСИНУ

Максин — лирик. Видно сразу.
Повсеместно говорят:
«Увеличил он в два раза
Устюженский литотряд!»

Он стихи земные пишет.
Сеет их, всходили чтоб.
Максин — значит «наивысший».
Юрий — значит «хлебороб».

ВИКТОРУ КОРОТАЕВУ

Не доконала маета его
И с «Русским огоньком», и без.
Всегда встречаем Коротаева
«С дымящимся наперевес».

* * *

Кому кто — антипод, кому кто — родич,
Лишь недотепа только невдомек.
Нет, Коротаев — это не Коротич.
Куда теплее «Русский огонек».

АЛЕКСАНДРУ РУЛЕВУ-ХАЧАТРЯНУ

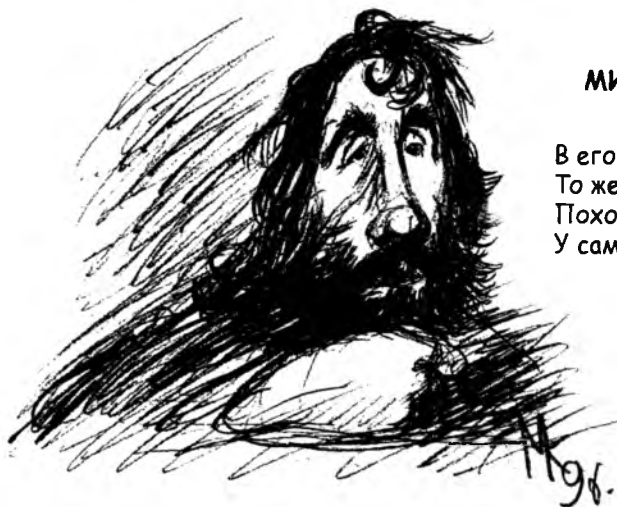
Сухово-Кобылин,
Мамин-Сибиряк,
Мельников-Печерский,
Армянский-Коньяк.

Хачатуряном стать когда-то
Мечтал во сне и наяву,
Но вологодские ребята
Ему закрыли букву «у».
Он изловчился, будь здоров!
И стал вдруг Хачатрян-Рулев.

МИХАИЛУ КОПЬЕВУ

В его картинах — то питье,
То женщины, то оргии.
Похоже, что он взял копьё
У самого Георгия.

ИВАНУ ПОЛУЯНОВУ

Он взял лишь половину Яна —
И столько книжек накопал.
А что бы было, вологжане,
Когда б он целого схватал?

* * *

Происходит от польских панов,
А также нюксенских крестьян,
Он взял фамилию — Полуянов,
А имя полное — Иван.
Он, в сущности — поэт-прозаик,
Хоть не печатает стихов.
Он пишет больше все про заек,
Но иногда — и про волков.

* * *

Он пишет так о воре Гришке
И о его супруге Мнишке,
Как будто сам бывал в бегах
Монахом в смутных временах.

МК 2004

АВТОГРАФ
Литературно-художественный журнал

59

Обществ. совет: Ю. П. Малоземов,
В. М. Бакуменко, Н. Т. Бушенев, К. А. Павлов,
Ю. Б. Максимов, Е. Л. Демидова

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции.

Адрес для писем: 160000, г. Вологда, а/я 220.

Эл. почта: jurii_malozemov@mail.ru

**Вологда
2011**

